

УДК 929.7.03

DOI: 10.15393/j14.art.2015.69

Статья

Женитьба на «другой». Преодоление конфессиональных барьеров в восточном шведском приграничье в XVII веке

Kimmo Katajala

Университет Восточной Финляндии,
PhD, профессор
kimmo.katajala@uef.fi

Аннотация. Изучение брачного поведения крестьянства является одной из классических тем в культурологии, однако историков она привлекает гораздо меньше. В особенности сложна ситуация с исследованием браков периода раннего нового времени. В данной статье уделяется внимание проблеме заключения браков между людьми разной конфессиональной принадлежности на протяжении XVII века в восточном приграничье Швеции — к западу и северо-западу от Ладожского озера — в Кексгольмской провинции. В настоящее время эта территория пересечена русско-финской границей.

Ключевые слова: Карелия; Кексгольмский лен; заключение браков; конфессиональные барьеры; XVII столетие.

Анализ данных о браках, заключенных на территории приграничья в период раннего нового времени

Кексгольм с традиционно прилежавшим к нему Приладожьем и Ингермаландия были присоединены к Шведскому королевству по результатам мирного договора 1617 г. Однако Северная война, начавшаяся в 1700 г., привела к территориальным изменениям. По мирному договору 1721 г. Кексгольмская провинция была разделена, ее южная часть вместе с Ингермаландией отошли к Российской империи, тогда как Швеции был возвращен лишь малонаселенный северный регион.

Так как брак является правовым институтом, историки часто используют юридический подход в его изучении (см.: Nylander 1961; Mahkonen 1980; Knuutila 1990). Необычайно важны для изучения истории приграничья периода раннего нового времени различные документальные свидетельства, созданные в провинции Кексгольм в то время, когда она принадлежала Швеции (1617—1700) и дошедшие до наших дней. На протяжении XVII века эта территория стала свидетелем многих изменений. Русская система управления была заменена на шведскую. При этом ответственность за сбор налогов и поддержание порядка была возложена на королевских бейлифов (шв. kronofogde), и шерифов (lensman).

В оккупированных Швецией Кексгольме и Ингермаландии были введены шведская судебная система и законодательство, вместе с институтом окружных судей (häradshöfding). На

этой территории проводились регулярные заседания окружных судов, на которых присутствовали двенадцать местных светских присяжных заседателей (*nempdemän*). Помимо этого одним из первых шагов новой власти стало насаждение лютеранства на территории провинции, которая изначально была заселена православными карелами и чухонцами. (см. Laasonen 2005, 64ff; Katajala 2008, 141ff).

После заключения договора 1617 г. карельское и ижорское население начало мигрировать из новых шведских провинций обратно в Россию. Дома, поля и луга которые они оставляли в спешке, были заняты финнами, пришедшими с юго-востока из Выборга и с запада из Саво. В течении русско-шведской войны (1656—1658) карельское население Кексгольма поддерживало политику России и, присоединяясь к вторгшимся на территорию провинции отрядам, грабили и убивали своих новых финских соседей. Однако, когда шведская армия добилась перевеса и получила возможность снова занять территорию провинции, карелы из-за страха мести со стороны шведов бежали через границу на российскую сторону. Война закончилась подписанием договора в 1661 г., при этом граница между Швецией и Россией осталась неизменной (см. Lappalainen 1972). В начале 60-х годов XVII века множество приходов в провинции Кексгольм оставались незаселенными: карелы бежали в Россию, много домов было сожжено и убито большое количество людей.

Однако как только карельские семьи вернулись из России в свои дома, в течении десятилетия большая часть брошенных дворов была заселена. Крестьяне жившие в деревнях приходов Липери и Иломантси и владевшие наиболее плодородными территориями, не оставили свои дворы несмотря на тяжелые времена. В самых восточных приходах провинции, Суйстамо, Суоярви и Салми, карелы в последние десятилетия XVII века даже составляли большинство среди населения.

В течении 60-х и 70-х годов XVII века миграция финнов вглубь провинции с юго-запада и запада была наиболее выраженной. Ситуация в течении последних десятилетий этого столетия складывалась таким образом, что на обширной территории провинции Кексгольм финны-лютеране и православные карелы жили бок о бок и были соседями в своих близко расположенных друг к другу деревнях.

Мы можем констатировать, что на западе преобладало финское население, а на востоке — карельское. Согласно итогам предшествующих исследований отношения между этими двумя группами были не всегда хорошими. Образ жизни обеих сторон отличался в вопросах культуры, веры, семейной жизни и даже архитектуры (Laasonen 2005, 121; Katajala 2006, 338ff). Также население не могло легко забыть противоборство и жестокость, имевшие место во время войны 50-х годов. Смешанные браки, которые заключались несмотря на религиозные и этнические барьеры были редким явлением, хотя мы знаем из сообщений о нескольких прецедентах, что случаи браков между представителями разных конфессий все же имели место. В предшествующей историографии нет систематических исследований в этой области, кроме нескольких отдельных примеров, упомянутых в литературе.

Что известно об этих смешанных браках заключавшихся на территории восточного приграничья Швеции в период Раннего Нового времени? Как относились к этим случаям Лютеранская и Православная церкви? Как они реагировали? Были ли созданы особые правила и традиции в связи заключениями таких браков? Как относились к ним сами люди? С другой стороны также необходимо узнать, имелись ли отличительные особенности у браков, заключенных на территории приграничья? Заключались ли смешанные браки на этой территории? Мы ставим перед собой цель ответить на эти вопросы.

Характеристика источников и методов исследования.

Бедная источниковая база и микроисторический метод.

Изучать браки заключенными между людьми, живущими на восточной границе Шведского королевства в период раннего нового времени достаточно непросто. Доступная источниковая база довольно скудна, так как сохранившиеся налоговые реестры не содержат нужной информации. При этом церковь еще не вела учет таких прихожан и их семей. В то же время, многие жители этой местности были неграмотными и поэтому письменные свидетельства, которые могли пролить свет на эту проблему, до нас не дошли. Единственными источниками из которых мы черпаем информацию являются судебные архивы, оставшиеся от заседаний районных судов.

Изучать обстоятельства заключений браков вопреки религиозным барьерам, как показала практика, достаточно сложно. Упоминания о них содержатся в судебных архивах вместе с документами, которые посвящены другим прецедентам: дела о незаконнорожденных детях, спорах о наследстве, кражах или убийствах крестьян. Нет ли объективной причины в том, что в судебных архивах содержатся упоминания о случаях заключений таких браков, при том они очень редко были предметом самих судебных разбирательств? Поэтому опираться лишь на редкие свидетельства о смешанных браках, используя документы судебных архивов в качестве источников. Следовательно, в связи с отсутствием других доступных источников представляется возможным строить доводы исходя из содержащейся в данных документах информации.

Нет ли закономерности в том что, браки между иноверцами редко были предметом разбирательств, но при этом упоминания о них все же содержатся в судебных архивах? Таким образом исследование о смешанных браках становится возможным при использовании их в качестве источников.

Здесь необходимо пояснить, как именно проходили судебные заседания. Они проводились два раза в год, летом и осенью в каждом регионе провинции Кексгольм. Район состоял из двух приходов. Судья или его писец на месте записывали содержание судебного заседания в протоколы и эти, часто составленные на скорую руку, записи расшифровывались, для того, чтобы впоследствии их можно было бы переслать в Верховный суд для рассмотрения.

В архивах верховного суда в Турку сохранились лишь транслитерированные версии судебных записей XVII века. Так или иначе, эти архивы были частично уничтожены во время Пожара Або в 1820-х годах и поэтому нет доступа к реестрам судебных заседаний, которые проводились в Кексгольме в 40-х, 70-х, 80-х, и 90-х годах XVII столетия.

Несмотря на то, что в 60-х годах XX века Государственные архивы Финляндии (на сегодняшний день — Национальные архивы) организовали проект по реконструкции картотеки судебных реестров XVII века, эта работа была завершена частично до окончания действия проекта в 90-х годах. Судебные реестры Кексгольма фактически последними были занесены в указатели с ключевыми словами. При написании данной статьи эта картотека неоднократно привлекалась с целью обнаружить в реестрах по ключевым словам «брак между иноверцами» нужные судебные прецеденты. Опыт показал, что картотека составлена с некоторой степенью погрешности. Так иногда конкретные судебные случаи не находились на правильно введенные ключевые слова. Допускалось, что поле информации, которое было получено из карточек и обнаружено с помощью ключевых слов, впоследствии могло дать достаточно результатов для решения исследовательских задач. Этот материал также был дополнен фактами, на которые имеются отсылки в предшествующей данному исследова-

нию литературе и если один или два прецедента не были учтены из-за несовершенства картотеки, это едва могло помешать сделать основные выводы.

По картотеке судебных реестров Кексгольма было обнаружено пятнадцать судебных документов, описывающих случаи заключения браков между финнами-лютеранами и православными карелами. Несколько прецедентов не содержатся в картотеке, но на них имеются отсылки в доступной литературе. Благодаря тщательному прочтению записей о фактах заключения браков между иноверцами, полученных из судебных реестрах установлено, что лишь 5 пар брачующихся были удостоены внимания суда. Другие случаи показывают характер взаимоотношений между лютеранами и православными в общем, а не в контексте заключения браков. Сведения полученные из судебных реестров и из научной литературы, могут предоставить нам информацию о поведении людей в ситуации заключения браков между иноверцами. Для нас важны ответы на следующие вопросы: имели ли место случаи перехода из одной веры в другую, были ли различия в правах у мужчин и женщин, меняли ли при этом имена, Проводили ли венчания этих пар лютеранские или/и православные священники, веру матери или отца исповедовали впоследствии дети?

В этих судебных реестрах не всегда содержалась информация о этническом происхождении и религиозных верованиях людей, но в то же время сведения такого рода о конкретном человеке можно получить из других доступных нам источников. Имя человека служило нам четким маркером, по которому определялось какой национальности он был и какого вероисповедания придерживался. Так как судьи и писцы записывали имена финнов шведскими аналогами (Антти — Андерс, Пекка — Петер), этническое происхождение легко распознавалось по этим именам. вместо финских имен записывали их шведские аналоги.

На протяжении веков живущие в Восточной Финляндии финны имели семейные прозвища(практика, которая появилась в Южной и Западной Финляндии лишь в 19 и 20 веках). Таким образом не составит труда обнаружить финна, проживавшего Кексгольме по его/ее фамилии. Как правило имена карелов существенно отличались от финских (Максимка, Сава, Парфей и т. д.), но не во всех случаях (женское имя Мари). Иногда карельские фамилии были похожи на финские (Тимонен). В этих случаях этническая принадлежность человека определялась по его имени. Порой определение национальности и религиозной группы человека основывалось на собственных предположениях исследователей, но эти случаи были очень редкими.

Нами был применен метод тщательного изучения повседневной жизни и связанных с ней событий. Этот метод имеет сходство с «чтением между строк» или «насыщенным описанием». Он был сформулирован в работах 80-90-х годов микроисториков Карло Гинзбурга и Джованни Леви. Проще говоря, исторический источник необходимо внимательно прочесть, его текст должен быть систематизирован по содержанию и сопоставлен с исходной литературой. Основным этапом данного анализа является процесс восприятия шаблонов поведения и мышления, информацию о которых можно получить лишь из случайных замечаний.

Как мы видим, ремарки, которые могут пролить свет на поведение и мышление людей той эпохи, часто фиксировались произвольно, мы можем понять как мыслил человек XVII века лишь анализируя менее важную для писца информацию.

Однако, в первую очередь при таком способе анализа исторических материалов, необходимо разобраться, почему «смешанные браки», которые не имели отношения к рассматриваемым судебным делам были упомянуты в протоколах? Почему судьи или писцы записывали информацию о них? Эти параграфы или целые тексты, которые на первый взгляд не соот-

ветствуют друг другу, имеют свою собственную важность и значение для судьбы и, как мы в праве предполагать, для местной общины. Таким образом представляется возможным изучить опыт прошлых обществ и выявить особенности, которые оставались скрытыми от нас. Применяя данные методы мы сможем увидеть своими глазами как жили люди на территории восточного приграничья Шведского королевства в далеком XVII веке.

Смешанные браки и лютеране

В результате беспокойных событий имевших место в 16 — 17 веках, шведское лютеранство вступило в фазу пуризма. Согласно его нормам был наложен запрет на исповедование на территории королевства других религий кроме лютеранства. В результате конфликтов с Польшей в конце XVI века и Тридцатилетней войны (1618 — 1648), в которой Швеция воевала на стороне протестантов, Римская католическая церковь стала главным врагом Швеции. Как это не парадоксально, в то же самое время шведский король, получил в 1617 г. Кексгольм и Ингермаландию вместе с значительным количеством новых поданных, исповедовавших православие и католицизм (см. Катаяла 205, 32 ff). В шведскую армию нанимали зарубежных офицеров вместе с профессиональными горными инженерами из Германии и Франции, которые принадлежали к другим христианским конфессиям. Такое развитие событий привело к тому, что вопрос о смешанных браках стал ключевой проблемой XVII века. Нет сомнений, что в тот период имело место мощное идеологическое движение. Лютеранская церковь вызывала неприятие христианских церквей, в особенности более непримиримыми были католики и православные (Knuutila 1990, 205).

В 1617 г. был установлен запрет на браки между членами королевской семьи и представителями других конфессий., чтобы таким образом, как выразился Юрки Кнуутила в Швеции XVII века сохранялся принцип “*impedimentum mixtae religionis*”. Однако это правило касалось лишь членов королевской фамилии, и несмотря на мудреные религиозные дебаты, люди в новых захваченных провинциях, в том числе и на территории приграничья, жили своей жизнью, исповедовали свою веру и иногда вступали в брак с иноверцами, разрушая тем самым барьеры между религиями. В церковном ордонансе, датированном 1571 г. ничего не сказано о «смешанных браках», но в 8 статье 15 параграфа Нового закона Церкви Швеции от 1686 г. было установлено: «Следует сделать строгое предостережение относительно браков с приверженцами чуждых религий. Все же они не должны быть полностью отменены из-за возможности перехода иноверцев в нашу веру». (Thulin 1936, 43). По видимому, новый Церковный закон был принят из-за того, что была учтена существующая практика и Церковь была вынуждена ввести новые правила в ответ на необходимость сформировать отношение на смешанные браки заключающиеся между шведскими женщинами и иностранными офицерами и инженерами, работающими в Швеции, а также имевшие место в отвоеванных провинциях между крестьянами.

Примерно век спустя нерешенный вопрос о смешанных браках стал причиной появления нового примечательного законодательного акта принятого на Шведском конгрессе в 1779 г. Согласно постановлению конгресса смешанные браки должны были совершаться по брачным традициям обеих религий, но по разным церемониалам. Если жених был лютеранином, то дети должны были воспитываться в лютеранской вере, однако, если невеста была лютеранкой, пара должна была договориться о том, какую веру будут исповедовать их дети. (Mäntylä 1954, 31f). Данные договоренности были заключены намного позже изучаемого периода, однако мы рассматриваем их в качестве норм и принципов, по которым в провинции Кексгольм 17 века существовала практика заключения смешанных браков, которые разрушали религиозные барьеры.

В начале 60-х годов XX века Эрки Куйо писал в своей работе о карельском приграничье с Швецией XVII столетия, которая уже стала классикой среди исторических монографий: «смешанных браков не существовало, так как они вели к большому количеству проблем» (Куйо 1963, 195). Ученые, писавшие о провинции Кексгольм, обычно перенимали эту точку зрения (см. Saloheimo 1976, 278f; Laasonen 2005, 124), и все же они соглашались с тем, что подобные браки случались несмотря на религиозные барьеры. Вышеупомянутые авторы приводят примеры судебных дел, в которых упоминаются подобные случаи. Согласно исследованиям Пентти Лаасонена, в судебных реестрах часто встречаются упоминания о прецедентах, которые служат доказательством интимных отношений юношей и девушек, исповедующих разные религии, из чего можно заключить, что крестьянское население провинции эмоционально было готово совершать смешанные браки и желало этого (Laasonen 2005, 124).

Однако это не было повсеместно. Осенью 1689 г. лютеранин и православная женщина предстали перед судом за внебрачную связь. В августе этого года он и она собирали урожай с поля, принадлежавшего местному крестьянину и, по словам мужчины, после работы он много выпил и женщина соблазнила его. Подсудимый заявил, что так как эта женщина исповедовала «русскую веру», она не могла заставить его дать обещание жениться на ней. Обе стороны объявили, что не желают заключить брак. В результате на этого мужчину был наложен штраф за внебрачную связь и обоих обязали публично исповедаться в церкви (4.-9.11.1689, 184, gg8). Из аргументов мужчины в этом случае видно, что религия настолько препятствовала любому намерению заключить брак, что можно было оправдаться в суде за незаключенную помолвку. В том случае если после своего обещания жениться мужчина отказывался от женщины не после интимной близости, он мог подвергнуться жестокому наказанию.

Однажды молодая православная женщина подала иск в суд, так как у нее родился незаконно рожденный ребенок от солдата-лютеранина. Мужчина обещал на ней жениться и они даже вместе обращались к лютеранскому пастору с просьбой заключить брак, но священник не мог провести церемонию, так как солдат не представил документ, который бы свидетельствовал о том, что он не женат. По церковному постановлению 1571 г. священникам не разрешалось венчать незнакомых им людей пока они не представят доказательство, что они к тому времени не состоят в браке (Kjollerström 1971, 119). Вскоре солдат отправился вместе со своим полком и его обещание жениться впоследствии не было исполнено (18.-21.3.1682, 330v-331, gg2). В этом случае, обещание было дано православной женщине и пара даже приходила к пастору, но сложно судить насколько его обет было серьезным, так как солдат несомненно знал, что он рано или поздно будет переведен на другое место службы.

Осенью 1691 г. карельского крестьянина Пекко Григорьева вызвали в суд. Он заявил о своем желании местному священнику, перейти в лютеранскую веру, так как он женат на лютеранке, Valborg Bengtsdotter. Пекко не появился в суде несмотря на требования священника и по этой причине с него взяли штраф в размере трех марок (24.- 30.10.1691, 213v-214, gg10).

В протоколах суда не содержится ясной информации о том была ли церемония заключения брака совершена по церемониалу Лютеранской церкви, или по обряду Православной, или по обрядам обеих церквей, но очевидно, что брак был совершен как минимум в лютеранской церкви. Обещание Пекко перейти в лютеранскую веру могло быть тактической уловкой, ведь с тех пор как в церковном законе было установлено, что брак с иноверцами разрешался благодаря надеждам, что иноверец перейдет в лютеранство. Священник же мог настаивать на выполнении этого обета, в качестве условия заключения брака.

Следующий пример подтверждает предыдущие рассуждения. Эрки Куйо описывает как в 1700 г. викарий небольшого городка Сортавалы, расположенного на берегу Ладожского

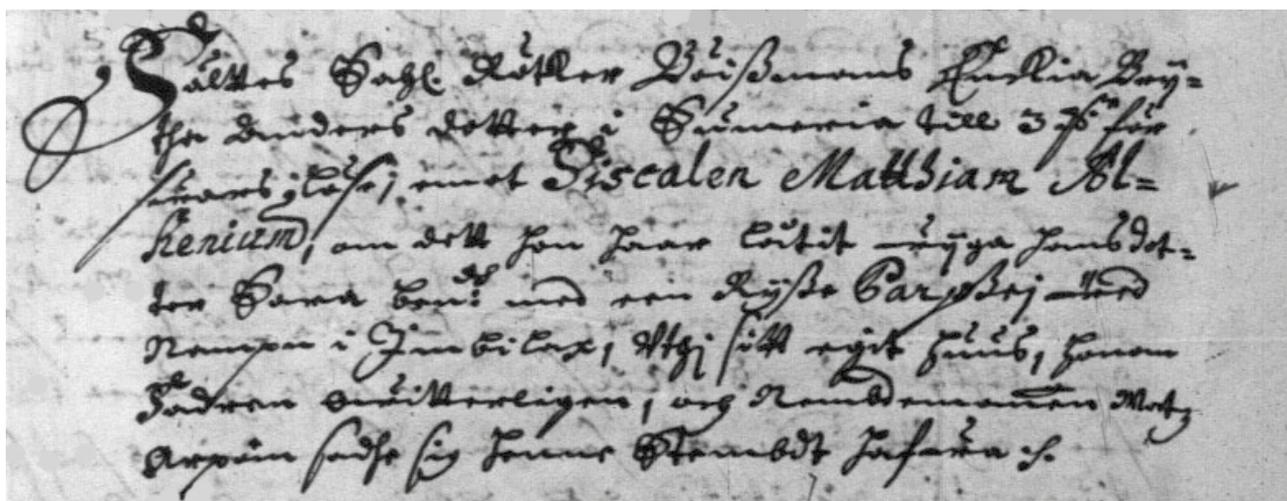
озера, выяснил у главы диоцеза, который в свою очередь послал вопрос национальному правительству, что делать в том случае, когда православный мужчина обручился с финкой, на которой он собирается жениться. Однако жених не хотел, как выразился священник, переходить в «нашу» веру. Более того, он настаивал, чтобы сама невеста была обращена в православие. Правительство приняло решение разрешить «смешанные браки», при этом подобные решения должны основываться на традициях, существовавших в провинции Кексгольм (Киуо 1963, 195). В подобном случае обещание перейти в лютеранство могло быть исполнено, если в этом был заинтересован лютеранский священник.

В 1689 г. после смерти карельского крестьянина Тероски сына Матфея остались две взрослых дочери, и его вдова, которая спустя три года вышла замуж снова, на этот раз за финна-лютеранина Bengt Pålsson. Однако на момент ее замужества земельное владение и имущество покойного еще не было разделено, и дочери начали требовать наследство отца через местный суд. Суд постановил осуществить раздел имущества согласно закону и наложил штраф на местного лютеранского священника за то, что он совершил церемонию бракосочетания до решения вопроса о разделе наследства, несмотря на то, что этот пастор уже ушел из жизни (9-15.3.1692, 58v-59, gg11). В документе отсутствовала какая либо информация о православном священнике и о самой свадьбе. По видимому, обряд был совершен одним лютеранским пастором.

Также научному анализу подверглись несколько уголовных дел, содержащих информацию о вероисповедании родителей подсудимых или потерпевших, которые были лютеранами и православными. Данные сведения получены с их слов. Если предположить, что эти браки могли быть заключены по меньшей мере двадцать лет назад от того момента, когда имена их детей были записаны в судебных реестрах, то данные пары должны были бы пожениться в 50-х — начале 60-х годов XVII века, то есть непосредственно до, во время, или сразу после русско-шведской войны, значительно осложнившая отношения между карелами и финнами. Однако, межэтнические браки все же заключались даже в те напряженные года.

В одном из протоколов 1672 г. имеется описание жертвы тяжкого преступления: «убитый всегда был злым и порочным человеком, который мог наброситься с бранными словами и оскорблениями не только на своих родственников, но и обрушить свой гнев и на путника на дороге. Его отец был русский, а мать финкой и священник крестил его трех сестер лютеранским священником, а он ни разу не посещал церковь». Здесь писец протокола пытается убедить заседателей Высшего Суда, что убитый был плохим человеком, который своими действиями заслужил подобной участи. Сведения о том, что потерпевший родился в смешанном браке и то, что он и его сестры не посещали церковь будучи крещенными в лютеранской вере, усугубляли представления об убитом как о законченном грешнике. Подобная интерпретация фактов делала убийство потерпевшего в этом случае более уместным и облегчало вину финна, который совершил это преступление.

По мнению Вейо Салохеймо смешанные браки могли быть признаком наличия трудностей, с которыми сталкивались православные карелы живущие на шведской стороне границы в поиске подходящей пары, которая принадлежала бы к их религиозной группе. В качестве примера он приводит случай с Ходаром, сыном Осипа из Пьелисярви. Имя Ходар — карельское по происхождению поэтому, с большей или меньшей долей вероятности можем утверждать, что он был православным. В 1674 г. он взял в жены женщину из деревни Реболы, располагавшаяся на русской стороне границы, но спустя полтора года данная особа вернулась в свой уезд. В 1678 г. Ходар подал прошение о разводе с целью жениться на финнке Кайсе Пусситар.

Вдова покойного Rötger Boisman Brijtha Andersdotter из деревни Sumeria должна была заплатить штраф три марки, потому что она не пришла ответить в суде по делу против фискала Matthiam Alhemium, потому что она позволила дочери Alhemium Сару выйти замуж за русского человека (карела) по имени Parfei в ее доме в приходе Импилахти без ведома отца. Ответственный присяжный Matts Arpojn говорит, что он предъявил ей иск в суде.

Смешанный брак Сары и Парфея

В провинции Кексгольм переход в другую веру не был обязательным условием для заключения брака с партнером-лютеранином, но иногда подобные случаи имели место. Один пример смешанного брака между лютеранкой Сарой Алхемия, и православным Парфеем Ивановым, несколько раз упоминался в судебных реестрах и заслуживает пристального рассмотрения. Парфей родился в приходе Йукио провинции Кексгольм в середине 50-х годов XVII века. После смерти отца он ушел вместе с матерью в деревню Импилахти прихода Суйстамо и там встретил лютеранку Сару Алхемия, дочь земельного прокурора Матти Алхемия (22.-28.9.1694, 102v-110v, gg13). Очевидно, что союз Парфея и Сары был не по душе отцу невесты, так как пара заключила брак в доме Бриты Андердоттер в Суйстамо в тайне от Матти (21.-28.2.1687, 40, gg6). В источнике не упоминается, являлся ли священник, сочтавший их браком лютеранином или православным, но по всей вероятности свадьба совершалась по лютеранскому обряду. Из сведений о жизни Парфея, которые он предоставил на судебном заседании, можно сделать вывод что он принял лютеранскую веру до или сразу после свадьбы.

Венчание этой пары стало настолько необычным явлением в местном сообществе, что данный случай упоминался в судебных реестрах в связи с несколькими эпизодами. Например, когда местный суд рассматривал дело о краже в церкви, среди остальных не относящихся к делу вопросов, было упомянуто что Парфей и Сара посетили приход Липери для встречи с ворожеей (21-28.2.1687, 54v-61v, gg 6). Очевидно, что это произошло незадолго до их тайной венчания. Представляется что, решение заключить брак было непростым. Несколькими годами позже, выступая в качестве свидетеля Парфей рассказал как он убедил Сару выйти за него замуж (22.-28.9.1694, 102v-110v, gg13). Сара Алхемия также давала свои свидетельские показания по делу о детоубийстве. В протоколе обозначен ее статус: «жена русского крестьянина Парфея, Сара Алхемия, родом отсюда, из деревни Импилахти, дочь земельного прокурора Матти Алхемия, финка и шведка по происхождению, нашей веры...» Ryssens Parfeijs här i Imbilax hustru Sara Alhemia, som är Fiscalens Matthia Alhemij dotter, Swensk och Finsk och af wår Religion...) (29.2.-5.3.1692, 154v, gg11).

Впоследствии Брак Сары Алхения и Парфея Иванова закончился трагично. По словам Парфея у них родилось трое детей. Вскоре после свадьбы Парфей поехал в Выборг и записался в кавалерию, что, вероятно, он бы сделать не смог, если бы не стал лютеранином. Зимой он вернулся в семью, но в 1688 г., теперь уже в Нарве, он снова поступил на службу в армию. Прослужив солдатом два года, Парфей затем бежал из своего полка и вернулся к жене, которая в это время жила в Импилахти вместе с пожилой матерью мужа. В течении двух лет Парфей оставался два года в деревне и работал на полях и в лесу. Позже он был арестован как дезертир, возвращен в свой полк и предан военному суду. Его приговорили к смерти, но король миловал провинившегося и полагающееся наказание было смягчено: его провели сквозь строй. Спустя несколько месяцев он бежал снова чтобы возвратиться к своей семье в Импилахти, осознавая, что в случае, если его поймают снова, ему не избежать смертной казни. Поэтому он перешел через границу на российскую сторону, оставив жену и детей в Импилахти вместе пожилой матерью. В конце концов Парфей стал членом банды на российской границе, что было в типичным явлением в приграничных регионах периода раннего нового времени (см. Laasonen 2005, 123). Разбойники грабили и пытали крестьян на территории Швеции и пытались шантажировать владельца поместья Импилахти. Изредка Парфей навещал жену и семью в деревне. Когда в 1697 г. Парфей был схвачен в очередной раз, после чего он был приговорен к смерти в местном суде (22.-28.9.1694, 102v- 110v, gg13).

История жизни Парфея Иванова является одним из тех редких случаев, когда исповедующий православие человек по меньшей мере формально принимает чуждую ему лютеранскую веру. Женитьба на женщине-лютеранке, дочери представителя местного дворянства побудила его принять подобное решение. Несмотря на то, что более приемлемой является ситуация, при которой женщина-лютеранка принимает православие, как веру своего мужа, на практике поступить так она не могла, так как была дочерью местного земельного прокурора. С другой стороны, можно также предположить, что переход в лютеранство открывал новые возможности заработка для Парфея. Вероятно, лютеранину было легче записаться в шведскую армию, чем для православного. Все эти факторы стали решающими при принятии решения Парфея перейти в другую религию. До брака с Сарой он зарабатывал на жизнь тем, что был купцом и объезжал с товаром карельские деревни, но по какой-то причине он решил испытать себя на военной службе. Это привело к трагичному концу, так как данный род деятельности мало ему не подходил.

Отношение православного населения провинции на смешанные браки

В русской церковной традиции к бракам православного с членом другой христианской церкви относились терпимо, в случае, если дети воспитываются в рамках православия. В российской Карелии XVII века имела место противоположная практика. Если происходил смешанный брак, лютеранин или лютеранка должны были перейти в православие, это особенно характерно для территории карельского приграничья. В судебных реестрах провинции Кексгольм имеются несколько описаний таких случаев. В России XVII века все браки, в том числе и между православными, имели духовное основание и фактически государство не могло вмешиваться в вопросы заключения браков до реформы Русской православной церкви и ее канонов, принятой принята в начале XVIII века в период правления Петра I. Таким образом, несмотря на сложные дискуссии о каноническом праве, возможность сохранения своей веры невестой или женихом оставался нерешенным вопросом в православной церкви XVII века. В те времена мышление обычного человека было настолько религиозным, что даже мысль о союзе душ двух людей, исповедующих разные конфессии, вводила в смятение.

В 20-х годах XVIII века, еще во время правления Петра Великого, число иностранцев в России возросло, так как царь пригласил в страну зарубежных офицеров и промышленников. В то же самое время было захвачено и переведено в Сибирь значительное количество шведских военнопленных, исповедующих лютеранство. Необходимость решать вопрос о смешанных браках между этими иностранцами и православными женщинами стала более острой. В июне 1721 г. церковный синод опубликовал декрет, позволявший совершить смешанные браки между шведскими военнопленными лютеранами и православными женщинами и в котором было сформулировано, что лютеранам нет необходимости перед свадьбой переходить в православную веру.

Дети пары, тем не менее, должны были воспитываться в православии. По словам Шикалова, на территории российского поморья XVIII-XIX веков невесты из Финляндии по своему желанию сохраняли собственную веру.

Как мы видим, в провинции Кексгольм, на западной стороне границы, супруги не всегда исповедовали единую религию. Несмотря на то, что закон Шведской церкви 1686 г. гласил, что те кто отступались от «правой веры» должны были быть изгнаны из королевства, некоторые женатые лютеране, шведы или финны по национальности принимали православие. В судебных реестрах за 1683 г. имеется описание случая братоубийства, по которому два брата, Левоска и Гауро Корд (по их именам и фамилии можно предположить, что они были карелами и исповедовали православие) пили брагу, приготовленную их матерью. Имя матери, на которую ссылаются в протоколе, в первом случае значит как Феодосия (карельское имя), а в последующих записях, что более точно — Кайса Туруйнен. Вечер закончился ссорой между двумя братьями, которые выпили лишнего. Левоска нанес своему старшему брату Гауро смертельный удар ножом.

Согласно протоколам их мать имела два имени — карельское и финское. Очевидно, что она была финкой и по рождению ее звали Кайсой Туруйнен. По-видимому, до замужества с Кордом (имя мужа определяется по фамилии сыновей) она была обращена в православие и взяла карельское имя Феодосия.

В судебных протоколах имеется и другой пример смены имен. Один из обвиняемых в убийстве, молодой человек по имени Эрик Котилайнен, рассказал о своих приключениях, когда он пересек границу и очутился на российской стороне. По пути домой, по его словам, он был схвачен несколькими русскими, которые вызвали священника и заставили Эрика креститься в православие. Они нарекли его карельским именем Степан. Вероятно, когда лютеранин переходил в православие, по обычаю он получал новое карельское имя.

Как пишет Елисей Хейкиля, браки в России совершались не по взаимным романтическим чувствам пары, а, согласно традиции, по желанию и решению родителей сторон (Heikkilä 2014, 10). Подобная практика была общим правилом не только для России периода раннего нового времени, но и для шведского приграничья.

Однако не все браки были спланированы родителями, в некоторых отдельных случаях выбор партнера был обусловлен исключительно чувствами. Это было характерно для тех ситуаций, когда лютеране и православные заключали смешанные браки. В судебных протоколах, которые содержали информацию о сбежавших женах, имеется описание случая, когда жена финна-лютеранина ушла от своего мужа, пересекла границу и на территории России второй раз вышла замуж за православного.

Весной 1683 г. в протоколах дважды рассматривался случай, когда жена сбежала от своего мужа. Первый раз подобное случилось в Пиелисярви, второй — в Иломантси. Судя по име-

нам супругов можно предположить, что они урожденные финны и лютеране. Согласно очевидцам, которые присутствовали на этих судебных заседаниях, муж был очень жесток со своей женой, пытался уличить ее в измене, унижал и угрожал отрубить ей топором голову и конечности. Жена сбежала от него в Иломанси. В деревне она стала работать прислугой в доме зажиточного карельского крестьянина, Максима Тороскайнен. Позже она перешла через границу на русскую сторону вместе с карелом Орто Тимоненом (21.-23.2.1683, 58v-59, gg2; 1.-2.3.1683, 66-67, gg2). Однако, ничего не сказано о том был ли заключен брак между ними.

Граница между Швецией и Россией практически была открытой, что делало побег возможным не только для преступников, но также для тех, кто хотел уйти от неприятных обстоятельств собственного брака. Случаи с теми сбежавшими женщинами кажутся вполне обычными, как правило они фиксировались в судебных реестрах, когда брошенные мужья запрашивали расследование с целью подать на развод и жениться заново. В каждом случае мотивы условия развода рассматривались местным районным судом и результаты расследования посылались в церковный капитул диоцеза. Капитул, под руководством епископа, должен был вынести свой приговор относительно развода в соответствии с фактами полученными в местном суде. В судебных протоколах провинции Кексгольм было обнаружено шесть случаев, когда один из супругов уходил за границу на территорию русской Карелии, и как минимум один, когда лютеранин женился на «русской» женщине на территории России. Несколько раз упоминалось, что финнов, которые заключили брак с русскими или карелами на территории России, заставили перейти в православие, после чего такой брак стал возможным.

Судьба неофитов

Обе церкви, и Лютеранская и Православная, желали получить в свое лоно новообращенных из других конфессий, однако они не допускали и жестко порицали случаи перехода в другую веру. Несмотря на то, что эти церкви были заинтересованы в том, чтобы заполучить новых членов, в среде обычных людей было множество предрассудков насчет новообращенных. Мы можем пролить свет на этот вопрос рассмотрев судебные случаи с Анной Jespersdotter Martikainen (cf. Katajala 2005, 55ff). Отец Анны был финном и исповедовал лютеранство, а ее мать, Акулина дочь Ильи, была карелкой (или русской — как записано в протоколе). Все семеро детей этой пары были крещены в веру отца, то есть в лютеранскую веру. Однако в 1683 году Анна вышла замуж за Олекси Сяккинена, который был православным («русская религия»). По имени «Олекси» видно, что он без сомнения был карелом, а не русским. Как только Анна забеременела, она отказалась от ее «финской или лютеранской веры», как записано в протоколах, и перешла в православие. Однако после этого ее новые карельские родственники не приняли ее, и когда Анна собирала урожай ржи вместе с родственницами мужа одна из них сказала ей: «Наши народы всегда враждовали. Теперь ты не финка, но и не русская. В случае, если ты пойдешь к русским, они отвергнут тебя, также поступят и финны». В другой раз эта же женщина сказала «когда ты перейдешь в иной мир ты будешь изгнана из Рая, так как туда тебя не пустят ни как новокрещенную в русскую веру, ни как лютеранку (8.-12.2.1692, 139-140v, gg11).

Когда Анна Мартикайнен выходила замуж за православного, она все еще была членом лютеранской общины, но почему-то беременность стала поворотным моментом в ее жизни и она перешла в веру своего мужа. Смена одной религии на другую была весьма сложным вопросом в небольшом местном сообществе. Новообращенный лично сталкивался с серьезными проблемами и социальными конфликтами. В случае с Анной Мартикайнен ее в конечном счете семь раз привлекали к суду за колдовство. Местное сообщество, в котором она

жила, считало ее ведьмой. Возможно тот факт, что родители Анны исповедовали разные религии усилил распространение предрассудков. Ее имя фигурирует в судебных реестрах несколько раз. Анну обвиняли в том, что она колдовством исцеляла детей, и в том, что она насылала проклятия на соседей. Эти обвинения исходили даже от членов ее семьи. Вероятно тот факт, что Анна была новообращенной и ее родители принадлежали к разным конфессиям способствовал тому, что она стала изгоем в местном сообществе и даже в своей собственной семье.

Заключение

В целом, как удалось установить, лютеранская и православная церкви принимали смешанные браки. Русская церковь придерживалась принципов канонического права, лютеране же преследовали практические цели, в надежде, что такие браки поспособствуют росту числа обращенных в лютеранство. Однако на практике на русской стороне границы, все те, кто хотели или были вынуждены вступить в брак с православными, к 20-м годам XVII века были крещены в православие. Это подтверждается тем, что в подобных случаях новокрещенным были даны православные имена. После реформы Петра I смешанные браки в России были разрешены и лютеране могли сохранить свою веру. На шведской стороне границы случаи перехода из православия в лютеранство были нечастым явлением, но все же имели место. Крещение в православие было более распространено, чем принятие лютеранства. В источниках упоминается один эпизод, когда жених принял решение перейти в лютеранство, но не выполнил свое обещание, и другой прецедент, когда жених принял лютеранскую веру, так как невеста не могла принять православие, будучи дочерью местного землевладельца.

Согласно канонам церквей, церемония заключения брака между лютеранцами и православными должна была проходить согласно традициям обеих сторон. По шведским обычаям XVIII века было необходимо совершить две отдельные церемонии. В свою очередь православная церковь ставила условие, при котором в случае смешанного брака не была проведена церемония венчания по православному канону, такой брак считался недействительным. Однако на практике в судебных протоколах провинции Кексгольм нет упоминаний о православных священниках, участвующих в свадебных церемониях, в то же время есть свидетельства об участии в свадебных церемониях лютеранских пасторов. Отсутствие данной информации может быть обусловлено происхождением доступного исторического источника: возможно судьи местных судов не думали о необходимости фиксировать случаи заключения смешанных браков по православному образцу.

Теоретически православная церковь могла допускать заключение смешанных браков при условии, если дети этой пары будут крещены в православие, в то время как по закону, установленному в 1770 г., шведский парламент принял постановление, согласно которому дети должны исповедовать лютеранство, если их отец был лютеранином. В том случае, если лютеранкой была мать, то супруги должны были договориться о вере будущих детей. Однако факты, содержащиеся в судебных протоколах провинции Кексгольм, свидетельствуют о том, что если один из супругов был лютеранином, а другой исповедовал православие, дети в этих браках были воспитаны в лютеранстве. Все же представляется, что во всех этих эпизодах вера брачующихся носила лишь поверхностный характер. Детей крестили в православии, в том случае, если один из супругов принимал православную веру.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Протоколы сессий окружного суда Кексгольмской провинции за 1680—1700 гг. Дела: gg2; gg4; gg6; gg8; gg10; gg11; gg13; gg16.

Литература:

2. *Башикиров В.*, протоиерей. О смешанных браках // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <http://azbyka.ru/o-brakax-s-inovercami.shtml> (27.10.2014.)
3. *Heikkilä J.* Canonical Development through Dialogue: Marriage and Divorce in the Pre-Conciliar Period and in the All-Russian Church Council of 1917—1918. Unpublished PhD thesis manuscript. University of Helsinki, 2014.
4. *Hämynen T. et al.* Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia / *Studia Carelica Humanistica* 19. Joensuu, 2004.
5. *Katajala K.* Suurvallan rajalla. Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. *Historiallinen Arkisto* 118. Vammala, 2005.
6. *Katajala K.* Early Modern People(s) in the Borderlands: Linguistic or Religious Definitions of "Us" and "Other" // Hurd M. (ed.) *Borderland identities. Territory and Belonging in North, Central and East Europe*. Gdansk, 2006.

Primary sources

The rolls of the district court sessions in the province of Kexholm 1680-1700, volumes gg2; gg4; gg6; gg8; gg10; gg11; gg13; gg16.

References

- Башикиров, В.* 2014, О смешанных браках. Published on the web page: http://azbyka.ru/dictionary/02/o-brakah_s_inovercami.shtml#s9 (read 27.10.2014)
- Heikkilä, J.* 2014, Canonical Development through Dialogue: Marriage and Divorce in the Pre-Conciliar Period and in the All-Russian Church Council of 1917—1918. Unpublished PhD thesis manuscript. University of Helsinki.
- Hämynen T. et al.* 2004, Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia. *Studia Carelica Humanistica* 19. Joensuu.
- Katajala, K.* 2005. Suurvallan rajalla. Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. *Historiallinen Arkisto* 118. Vammala.
- Katajala, K.* 2006. Early Modern People(s) in the Borderlands: Linguistic or Religious Definitions of "Us" and "Other". In Hurd, M. (ed.), *Borderland identities. Territory and Belonging in North, Central and East Europe*. Gdansk.
- Katajala, K.* 2008. Differentiering och unifiering. Provenspolitiken vid det Svenska rikets östgräns ca. 1617—1809. In Engman, M. & Villstrand N. E. (eds.), *Maktens mosaik. Enhet, särart och självbild i det Svenska riket*. Borgå.
- Kjöllerström, S.* 1971. Den svenska kyrkoordningen 1571 jämte studier kring tillkomst, innehåll och användning. Lund.
- Knuutila, J.* 1990. Avioliitto oikeudellisena ja kirkollisena instituutiona Suomessa vuoteen 1629. (Matrimony as a Juridical and Ecclesiastical Institution in Finland up to 1629). *Finska Kyrkohistoriska Samfundets handlingar* 151. Jyväskylä.
- Kuujo, E.* 1963. Raja-Karjala Ruotsin vallan aikana. Joensuu.
- Laasonen, P.* 2005. Novgorodin imu. Miksi ortodoksit muuttivat Venäjälle Käkisalmen läänistä 1600-luvulla? *Historiallisia Tutkimuksia* 222. Helsinki.
- Lappalainen, J. T.* 1972. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota. Saarijärvi.
- Mahkonen, S.* 1980. Avioero. Tutkimus avioliittolain erosäännösten taustasta ja tarkoituksesta. Suomalaisen lakimiesyhdistyksen julkaisuja A-sarja N.o 149. Vammala.

- Meyendorff, J.* 1975. Marriage: An Orthodox Perspective. USA.
- Mäntylä, R. A.* 1954. Eriuskolaiskysymys Suomessa 1809—1889 I, 1809—1871. Annales Universitatis Turkuensis, Ser. B, Tom. XLVII. Kuopio.
- Nylander, I.* 1961. Studier rörande den svenska äktenskapsrättens historia. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Juridica Stockholmiensia 12. Stockholm.
- Saloheimo, V.* 1976. Pohjois-Karjalan historia II 1617—1721. Joensuu.
- Shikalov, Y.* 2004. Marriages in the village of Uhta, Eastern Karelia, from the 1870s to 1905. In Hämynen T. & Partanen, J. & Shikalov, Y. (eds.), Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia. Studia Carelica Humanistica 19. Joensuu.
- Taussi-Sjöberg, M.* 1988. Skiljas. Trolovning, äktenskap och skilsmässa i Norrland på 1800-talet. Stockholm.
- Thulin, G.* 1936. 1686 års kyrkolag. Utgiven av samfundet pro fide et christianismo — med inledning av Gabriel Thulin. Uppsala.

Marrying «the Other».
Crossing religious boundaries in the eastern borderlands
of the Kingdom of Sweden in the 17th Century

Kimmo Katajala

PhD, Professor, University of Eastern Finland
kimmo.katajala@uef.fi

Summary: Marriage practices among the common people, or peasantry, are a classic topic in cultural studies but have attracted much less attention among historians, especially when it comes to the pre-modern era. This brief study focuses on marriages between people confessing different faiths in the eastern borderlands of 17th-century Sweden — to the West and North-West from the Lake Ladoga — in province of Kexholm. The territory concerned here is the province of Kexholm, which at that time covered an area west and north-west of Lake Ladoga that today lies on both sides of the Finnish—Russian border.

Key words: Karelia; Kexholm province; marriage; confessional borders; 17th century